

ПО СѢВЕРУ РОССІИ ¹⁾.

(Лѣтняя образовательная экскурсія 1903 г.).

III.

22 Іюня, въ прекрасный солнечный воскресный день мы подплывали къ Устюгу. Городъ со всей массой своихъ церквей очень поэтично отражался въ широкомъ просторѣ Сухоны и гудѣлъ десятками колоколовъ. Это—типичный старинный городъ, какъ Ростовъ Ярославскій, Угличъ, Суздаль... Онъ основанъ въ началѣ XIII в. и занималъ выдающееся мѣсто въ исторической жизни Россіи, отчего наравнѣ съ Новгородомъ и Ростовомъ и получилъ названіе Великаго. Устюгъ родина просвѣтителя зырянъ (въ 14 в.) св. Стефана еп. Пермскаго, а также покорителя Амура—Ерофея Хабарова. Въ настоящее время въ немъ около 10 т. жителей. Городъ ведетъ оживленную торговлю щетиной, полотномъ, льномъ; славится выдѣлкой серебряныхъ издѣлій «подъ чернью» и особыми шкатулками, обиваемыми цвѣтною жестию, съ секретными замками. Весною его набережная представляетъ оживленную картину бойкой торговой пристани, силою загроможденной соленою рыбой, хлѣбомъ, пенькой и т. п.

Въ Устюгѣ экскурсанты остановились. Квартиру нашли довольно скоро, хотя не отличающуюся особенными удобствами.

Здѣсь они посѣтили главную святыню города—Проконіевскій соборъ, гдѣ почиваютъ мощи св. Проконія праведнаго, весьма чтимаго окрестными жителями, которые въ честь этого святого соблюдаютъ особый постъ, продолжающійся съ 1 по 8 Іюля.

¹⁾ Продолженіе. См. № 11 Вор. Епарх. Вѣд.

Св. Праведный Проконій былъ нѣмецкій купецъ. Приплывъ съ товарами (въ первой половинѣ XIII в.) въ Повгородъ, онъ былъ пораженъ красотой и величіемъ православнаго богослуженія, ознакомился съ православнымъ ученіемъ, принялъ его, роздалъ свои богатства бѣднымъ и взялъ на себя тяжелый подвигъ юродства. По его молитвамъ Устюгъ былъ избавленъ отъ грозившей ему каменной тучи, разразившейся въ 1290 г. 25 Іюня въ 20 верстахъ отъ города надъ лѣсомъ. При насъ къ этому мѣсту отправился крестный ходъ, въ которомъ участвовало духовенство всѣхъ церквей города и массы народа. Въ нынѣшнемъ году тамъ построена и освящена церковь—въ память исполнившагося 600 лѣтія со дня кончины св. Проконія.

Передъ Проконіевскимъ соборомъ лежитъ на пьедесталѣ одинъ изъ упавшихъ изъ тучи камней. Самый соборъ, гдѣ почиваютъ мощи св. Проконія, большой, вмѣстительный.

Обращаетъ на себя вниманіе прекрасная тонкая рѣзба иконостаса. Въ соборѣ шли дѣятельныя приготовленія къ предстоявшему юбилейному празднованію; шелъ полный ремонтъ; даже самая гробница угодника заставлена лѣсами.

Ознакомились экскурсанты и съ городомъ.

Въ немъ хорошия мостовыя, порядочный городской садъ; масса храмовъ, изъ которыхъ много весьма древнихъ (26) и много хорошихъ домовъ. Поражаетъ сравнительная дешевизна различныхъ пищевыхъ продуктовъ, особенно молока и яицъ. Въ городѣ имѣетъ пребываніе епископъ (викарій, по со своимъ правленіемъ); въ немъ есть мужская гимназія, спархіальное училище, женская гимназія, духовное училище и много начальныхъ учебныхъ заведеній.

Обиліе храмовъ очень невыгодно отражается на благосостояніи духовенства; правда, нѣкоторыя церкви сдѣланы приписными, но все-таки число ихъ не соразмѣрно количеству

прихожанъ. Благодарность послѣднихъ распоряженій объ увеличеніи жалованья и пенсій духовенству здѣсь особенно чувствуется...

Но это же обиліе храмовъ, съ другой стороны, налагаетъ на весь городъ какой-то исключительно религіозно-церковный колоритъ: съ утра до вечера здѣсь разносится звонъ колоколовъ, и большая часть жителей живетъ исключительно религіозными интересами.

Какъ особенность Устюга, нужно отмѣтить многочисленныя крестныя ходы въ болѣе живописныя окрестности города.

Такия «хожденія» начинаются съ Троицына дня и продолжаются все лѣто. Послѣ совершенія молебствій начинается чаешитіе, угощеніе лакомствами изъ раскинутыхъ тутъ же балагановъ. Людей выпившихъ на этихъ хожденіяхъ не бываетъ.

На другой день пребыванія въ Устюгѣ часть экскурсантовъ съ утра отправилась, по предложенію одного изъ руководителей, пѣшкомъ за 25 верстъ на полотняную фабрику наслѣдниковъ Грибанова. Дорога, но большей части, шла хвойнымъ лѣсомъ. Путники порядкомъ устали, пока добрались до мѣстечка Красавина, гдѣ расположена фабрика.

Названіе мѣстечка вполне оправдывается его живописностью. Кругомъ пруды, возвышенности, покрытыя соснами и елями, красивые виды... На лугахъ видѣются разостланныя для бѣленія полотна и пряжа. На фабрикѣ работаетъ болѣе 1000 человекъ рабочихъ, для которыхъ выстроены большія каменные казармы. Фабрика состоитъ изъ четырехъ корпусовъ: въ одномъ помѣщается прядильное отдѣленіе, въ другомъ—ткацкое, въ третьемъ ткани окончательно отдѣляются, въ четвертомъ—бѣлятся. Экскурсанты подробно успѣли осмотрѣть первыя два отдѣленія. Въ ткацкомъ работаетъ около 240 станковъ, при нихъ стоятъ, въ большинствѣ, женщины; здѣсь ткуются полотна различныхъ сортовъ, плат-

ки, полотенца. Въ верхнемъ этажѣ сосредоточено производство цвѣтныхъ скатертей, отличающихся порой очень изящными и сложными узорами; здѣсь работаютъ мужчины.

Послѣ осмотра фабрики экскурсанты посѣтили фабричный складъ, гдѣ вунили себѣ на память различныхъ предметовъ фабричнаго производства. Пазадъ возвратились на лошадахъ.

На другой день утромъ мы продолжали прерванное путешествіе, размѣстившись на новомъ пароходѣ уже по отдѣльнымъ каютамъ, но сходясь для чаепитія и обѣда.

За Устюгомъ Сухона переходитъ въ Сѣверную Двину, которая на протяженіи 66 верстѣ называется Малой Двиной; за городомъ же въ нее впадаетъ рѣка Югъ. Образуется многоводная ширь.

Мы плывемъ по кормилицѣ Сѣвера. Принимая въ себя воды Сухоны, Юга, Вычегды, Лузы, Ваги, Пинеги и массы менѣе значительныхъ рѣкъ и рѣчекъ, С. Двина образуетъ внушительную водную сѣть—около 5 тысячъ верстѣ длиною, однимъ концомъ подходящую къ Уралу, другимъ къ Бѣлому морю и Ледовитому океану, третьимъ—посредствомъ канала Александра Виртембергскаго—соприкасающуюся съ Волгою и Балтійскимъ моремъ.

Немудрено, что эта сѣть играетъ слишкомъ большую роль въ жизни Сѣвернаго края, стягивая къ себѣ наиболѣе населенныя мѣста. Мы то и дѣло видимъ села и деревни съ хорошими бревенчатыми, крытыми тесомъ, домами.

Лѣвый берегъ Двины неизмѣнно низкій, устѣянный песками, на которыхъ растутъ лопухъ, молочай и красная лоза; весною онъ затопляется верстѣ на 25—30; здѣсь не сѣютъ озимыхъ хлѣбовъ. Но зато въ какіе раскопные поемные луга переходятъ эти пески!

Правый берегъ—гористый, съ обнаженными боками, гдѣ

ясно обозначены пласты разнообразных отѣлковъ. Геологу здѣсь полное раздолье для научныхъ изысканій.

Одинъ изъ таковыхъ, прогремѣвшій въ послѣднее время въ ученомъ мірѣ своими открытіями въ области палеонтологіи, ѣдетъ теперь на нашемъ пароходѣ. Это проф. Варшавскаго университета—Амалицкій. Съ парохода прекрасно видны громадныя выемки земли на самомъ берегу С. Двины, около села Городокъ, недалеко отъ Котласа, гдѣ извлечены профессоромъ остовы чудовищной ящерицы и другихъ допотопныхъ гигантовъ. Теперь профессоръ ѣдетъ вмѣстѣ со своей женой продолжать здѣсь раскопки, снабженный крупною правительственной субсидіей. Встрѣчаетъ профессора все село; очевидно, онъ пріобрѣлъ среди крестьянъ большую популярность.

Лѣса, лѣса и лѣса! Сколько тутъ дерева! Въ яныхъ мѣстахъ рѣка на большое разстояніе покрыта плотамп; пароходы и пароходики надрываются, таща ихъ.

Вотъ и Котласъ. Здѣсь съ Двиной сливается Вычегда. Котласъ—конечный пунктъ Пермь-Котласской жел. дороги. Когда-то захудалое село—теперь это значительная пристань съ хлѣбными складами, конторамп. Недалеко отъ берега цѣлый новый поселокъ съ совершенно городскими постройками.

Затѣмъ пароходъ останавливается у заштатнаго города Красноборска. Это, очевидно, городъ по недоразумѣнію, онъ болѣе похожъ на захудалое село: въ немъ не болѣе 500 жителей; постройки—обыкновенные деревенскіе дома,—одна половина для человѣческаго жилья, большая часть другой для скотины.

Проѣзжаемъ устье рѣки Нижней Тоймы,—и мы, наконецъ, въ предѣлахъ Архангельской губерніи,—въ древней Біарміи, самой большой губерніи Европейской Россіи, занимающей пространство, не считая острововъ Сѣвернаго океана,—

въ 78¹/₂ милліоновъ десятиныхъ, т. е. такое, на которомъ умѣстились бы свободно полторы Франціи. Но населенія на этомъ пространствѣ не набирается и 400 тысячъ, т. е. гораздо меньше, чѣмъ жителей въ нашихъ столичныхъ городахъ! Правда, болѣе 45 милліоновъ десятиныхъ здѣсь занято тундрами, болотами, озерами и рѣками.

На другой день по отплытіи изъ Устьяга мы проѣзжаемъ мимо села Вавчуги, — колыбели русскаго коммерческаго флота: въ 1694 году здѣсь былъ построенъ и спущенъ въ воду первый коммерческій русскій корабль «Св. Петръ», съ верфи Бажениныхъ, которымъ горячо покровительствовалъ Великій Преобразователь Россіи, самъ здѣсь присутствовалъ на спускѣ судовъ и осыпалъ Бажениныхъ милостями.

А вотъ мѣстности, говорящія о другомъ великомъ русскомъ человѣкѣ. Еще ранѣе Вавчуги мы проплываемъ мимо дер. Сип, за девять верстъ отъ которой находится Антоніевъ Сійскій монастырь, гдѣ нѣкоторое время, послѣ своего бѣгства изъ дома, находился Ломоносовъ; а вотъ Холмогоры и Куростровская волость — родина Ломоносова.

Двое сутокъ мы совершаемъ свой путь до Архангельска, но путешествіе нисколько не утомительно.

Отъ широкой глади рѣки, отъ могучаго хвойнаго лѣса, обрамляющаго ея берега, дышетъ суровой величавостью.

Ближе къ Архангельску эффектно алебастровые берега, красиво обрисовывающіеся на фонѣ лѣтняго солнечнаго дня.

Стоитъ конецъ Іюня, но подъ вечеръ и утромъ на полубѣ парохода холодно и нельзя было поздравить того, кто не запасся теплымъ пальто.

IV.

Вотъ и Архангельскъ. Небольшой городъ, имѣющій всего около 20 тысячъ жителей, онъ верстъ на пять вытянулся по берегу С. Двины. Къ берегу его прижимаетъ тундра, ко-

торая даетъ себя знать и въ окраинныхъ улицахъ города, обращая ихъ въ непроходимое болото.

Пароходныя пристани, русскія и иностранныя суда, цѣлый рядъ лѣсопильныхъ заводовъ, шмыгающіе туда и сюда по рѣкѣ пароходики—придаютъ городу оживленный видъ. Красиво возвышаются надъ постройками Михайло-Архангельскій монастырь, — древнѣйшій храмъ города, — и Троицкій соборъ.

Невдалекѣ отъ послѣдняго пристааетъ пароходъ.

Мы сразу погружаемся въ своеобразную жизнь сѣвернаго портового города.

Архангельскъ возникновеніемъ своимъ обязанъ торговой предприимчивости англичанъ, которые въ серединѣ 16 столѣтія проникли чрезъ Сѣверный океанъ въ Двинскую губу и завязали торговля сношенія съ Московіей. Московское правительство обласкало англичанъ и дало имъ широкія льготы; за англичанами пробрались сюда голландцы. И вотъ, имѣя въ виду создать постоянный международный торговый пунктъ, Московское правительство около существовавшаго уже Архангельскаго монастыря основало городъ. Въ XVII в. это былъ крупный торговый центръ. Великій Преобразователь Россіи, Петръ Великій то и дѣло навѣдывался въ Архангельскъ, и городъ процвѣталъ и развивался, подъ покровительствомъ государя, пока новая сѣверная столица совершенно не стѣнула къ себѣ его вниманія.

Мы нагружаемъ ломового извозчика своими вещами и отправляемся на пристань, чтобы оттуда на пароходикѣ перенравиться въ Соломбалу, на Соловецкое подворье.

Что прежде всего бросается въ Архангельскѣ въ глаза, — это соленая рыба. Ея тяжелый запахъ наполняетъ улицы. Изъ многочисленныхъ лавокъ выглядываютъ также шбуры

пушныхъ звѣрей, шапки изъ оленьихъ шкурокъ, оленьи рога, мѣховыя туфли.

Мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, что въ палисадникахъ только что зацвѣтаетъ сирень, между тѣмъ уже конецъ іюня.

На пароходной пристани мы познакомились съ о. экономомъ монастырскаго парохода, который долженъ былъ насъ доставить въ Соловецкій монастырь. О. экономъ намъ сообщилъ, что пароходъ отправляется въ 4 часа пополудни. На маленькомъ пароходикѣ мы скоро достигли Соломбалы, гдѣ находится Соловецкое подворье.

Соломбала—большое предмѣстье Архангельска съ оживленной гаванью. Она расположена на островѣ, соединенномъ съ городомъ длиннымъ деревяннымъ мостомъ. Въ прежнее время здѣсь находилась корабельная верфь, на которой было построено громадное количество военныхъ и портовыхъ судовъ разнообразнѣйшихъ типовъ. Военное кораблестроеніе прекратилось здѣсь въ 1862 году. Главною причиною этого былъ переходъ въ кораблестроеніи отъ дерева къ стали.

Соловецкое подворье—двухъэтажный каменный корпусъ: внизу помѣщается простой народъ, вверху—публика «почище». Намъ отвели номеръ въ верхнемъ этажѣ, и мы скоро намѣли возможность отдохнуть съ дороги за самоваромъ.

Подворье, безъ сомнѣнія, самое бойкое мѣсто въ Архангельскѣ съ его окрестностями. Оно съ весны до осени осаждается массами путешественниковъ рѣшительно со всѣхъ концовъ Россіи. Монахи едва успѣваютъ отвѣчать на разспросы и исполнять просьбы богомольцевъ.

Особенный наплывъ богомольцевъ изъ простонародія бываетъ въ началѣ іюня.

Отдохнувъ, мы рѣшили взглянуть еще на Архангельскъ и отправились въ городъ пѣшкомъ. Здѣсь мы прошлись

главную улицу Архангельска Троицкимъ проспектомъ; улица довольно чистая сплошь съ деревянными домами, но дома больше и красивой архитектуры.

Сдѣлавъ кой-какія закупки и заглянувъ на почту, мы поторопились на подворье.

Здѣсь насъ ждалъ неприятный сюрпризъ.

Пока мы гуляли по Архангельску, начали уже продавать билеты; всѣ билеты второго и перваго класса были распроданы. Оставалось ѣхать въ третьемъ классѣ. Монахъ кассиръ настойчиво насъ увѣрялъ, что пассажировъ третьяго класса теперь сравнительно мало, что до полного комплекта не хватаетъ человѣкъ 300 и что доѣдемъ мы до монастыря припѣваючи, но какъ то плохо всему этому вѣрилось. Однако, волей неволей пришлось согласиться.

Намъ указали мѣсто небольшихъ размѣровъ, съ герметически закупоренными круглыми окнами, съ двухъярусными нарами, съ довольно тяжелымъ воздухомъ. Мы размѣстились и съ тревожнымъ чувствомъ стали ожидать наплыва другихъ пассажировъ. Нахлынули они, и мы съ горечью убѣдились, что положеніе наше не изъ пріятныхъ, но другимъ и еще хуже нашего. Пароду вездѣ биткомъ набилось Богомольцами заполнено мѣсто въ трюмѣ, оставшееся свободнымъ среди кулей муки и бочекъ съ соленою рыбой, а также и вся палуба, гдѣ они тѣснятся вмѣстѣ съ коровами, пожертвованными монастырю. Трудно себѣ представить, какая тѣснота бываетъ здѣсь, когда на пароходѣ «полный комплектъ» пассажировъ.

Итакъ, мы на монастырскомъ пароходѣ «Архангель Михаилъ», готовымъ отплыть въ море. На палубѣ настоятелемъ подворья служится краткое молебствіе, послѣ котораго подъ его благословеніе подходятъ капитанъ и служащіе парохода.

Капитанъ—монахъ съ длинными волосами и въ монашеской шапочкѣ, но въ теплое короткое пальто; служащiе—тоже монахи. Мачта парохода увеличивается крестомъ.

Поданъ послѣднiй свистокъ, и пароходъ трогается, направляясь къ устью Двины. Мы долгое время плывемъ мимо безчисленныхъ лѣсопильныхъ заводовъ и стоящихъ около нихъ иностранныхъ судовъ. Два часа пароходъ идетъ по одному изъ многочисленныхъ рукавовъ дельты С. Двины, называемому р. Маймаксой, затѣмъ т. и. Березовскимъ рукавомъ. Кругомъ острова большiе и маленькiе; послѣ лѣсопильныхъ заводовъ виденъ тончай лѣсокъ, тундра....

Но вотъ показалось и Бѣлое море. Оно, какъ нельзя болѣе, оправдываетъ свое названiе: на горизонтѣ цвѣтъ его совершенно молочный. Поднялся такой вѣтеръ и холодъ, что оставаться на верху парохода просто нѣтъ возможности.

Мы отирались внизъ, едва протискались на свои нары, кой-какъ закусили и мечтали уже выпить чаю, но море вдругъ дало о себѣ знать. Начало покачивать. Къ чаю никто не прикоснулся. Мы стали съ тревогой поглядывать другъ на друга. Богомольцы, особенно женщины, стали то и дѣло жалобно вздыхать и дѣлать молитвенные возгласы. Пароходная прислуга разноситъ и разставляетъ кадки.

Бачка усиливается и общаетъ мало хорошаго

И вотъ въ разныхъ концахъ нашей тѣсно набитой каюты начинаются проявленiя морской болѣзни... Воздухъ дѣлается невообразимымъ, тошнить отъ него одного; изъ всѣхъ угловъ несутся вонли. Выбрасенься на палубу, — тамъ тѣ же картины. Хорошо, что здѣсь вѣтеръ, который не даетъ застаиваться воздуху, но зато здѣсь ужасно холодно. Это обстоятельство гонитъ назадъ, а тамъ и плачь, и смрадъ, и скрежетъ зубовой... Ложись на нары въ совершенномъ

изнеможеніи, чувствуешь, что кто-то вползъ на тебя ногами, что сбоку чайникъ гремитъ, покачиваясь и вотъ-вотъ обольетъ тебя водой, но нѣтъ энергии встать и переставить его или сбросить съ себя чужія ноги, — лежишь и чувствуешь, что никогда, кажется, въ жизни не бывало такъ скверно... Проходитъ вечеръ, наступаетъ ночь, а пароходъ качаетъ и качаетъ. Вкругомъ происходятъ трагикомическія сцены. Гдѣ то въ углу старикъ, обезсиленный приступами морской болѣзни, сѣлъ на лежавшую богомолку — пошла перепалка. Большинство молятся св. Зосимѣ и Савватию. Глубокою ночью, когда мы, совершенно больные, стали забываться тяжелымъ сномъ, спустился къ намъ какой-то странникъ и началъ зывать: «Православные! готовьтесь: всѣ погибаетъ! Не давайте имъ спать — готовиться надобно!» Съ ужасомъ помышляли мы: вдругъ послѣдуютъ этому совѣту и начнутъ насъ тормозить! Однако, восторжествовало мнѣніе болѣе хладнокровныхъ: рѣшено было оставить насъ въ покоѣ.

Около кадокъ всю ночь толпились пассажиры, и всю ночь слышались вздохи и стоны.

На утро весь пароходъ былъ полонъ изверженій. Заморосилъ дождикъ и усугубилъ грязь, царившую вездѣ. На палубѣ было буквально какое-то мѣсиво изъ человѣческихъ изверженій, въ которомъ барахтались люди.

Монастырская прислуга съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ смотрѣла на эти сцены и не торопилась заняться очисткой парохода.

Измученные памятной ночью, при мелкомъ, морозящемъ дождѣ, подплывали мы къ Соловецкому монастырю 27 Іюня, сдѣлавши все разстояніе отъ Архангельска — 291 версту — въ 17 ч.

(Продолженіе будетъ).

Щ.